

Д. А. ЧЕРНОГЛАЗОВ

**ОПИСАНИЯ ОХОТЫ В ПИСЬМАХ ФЕОДОРА ДАФНОПАТА:
К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ОХОТНИЧЬИХ МОТИВОВ
В ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Аннотация: Феодор Дафнопат – выдающийся византийский писатель X в. В двух его письмах содержатся подробные описания охоты: в одном описывается охота на зайцев, а в другом – дичь, которую прислал автору в подарок император Роман II. Оба экфрасиса совершенно нетипичны для своего времени – они отражают зарождение новых тенденций, которые достигнут полного развития в Комниновскую эпоху. Новаторство Дафнопата проявляется в двух аспектах: впервые, со времен поздней античности, охота становится предметом полноценного экфрасиса; впервые за несколько столетий в придворной риторике возрождается энкомиастический образ императора как искусного охотника. Между тем, в XII в экфрасис охоты станет особым риторическим жанром, а образ царя-охотника прочно войдет в официальную идеологию.

Ключевые слова: Феодор Дафнопат, Константин VII Багрянородный, Македонский ренессанс, византийская литература, эпистолография, историография, экфрасис, охота

Письма Феодора Дафнопата¹, выдающегося придворного ратора середины X в, уже давно опубликованы в критическом издании, но и по сей день остаются малоизученными и недооцененными². Если рассмотреть их в литературном контексте эпохи Македонского ренессанса, становится ясно, что для своего времени они отнюдь не тривиальны – стоит вспомнить, хотя бы, его поистине «раблезианские» шутки об обжорстве одного из друзей или двусмысленное поздравление со свадьбой, содержащее смелые сексуальные намеки. В настоящей статье мы сосредото-

---

¹ Théodore Daphnopatès. Correspondance / éd. et trad. par J. Darrouzès et L. G. Westerink. Paris, 1978 (далее – Daphn.).

² Основную библиографию научных работ о Дафнопате и характеристику его писем см.: *Chernoglazov D.* Beobachtungen zu den Briefen des Theodoros Daphnopates. Neue Tendenzen in der byzantinischen Literatur des zehnten Jahrhunderts // *BZ.* 2013. Bd. 106. Heft 2. S. 623–644.

чимся на одной из излюбленных тем нашего автора – на теме охоты. Мы проанализируем те его послания, в которых говорится об охоте, и покажем, что они совсем не типичны для X в., но, напротив, отражают зарождение новых тенденций. Мы продемонстрируем, как менялась трактовка охоты в византийской литературе и какую роль в этом сдвиге следует отводить Феодору Дафнопату.

Об охоте византийцев написано далеко не так много, как можно было бы ожидать: глава знаменитой книги Ф. Кукулеса до сих пор остается чуть ли не единственным систематическим исследованием о *realia* византийской охоты³. Разумеется, за 60 лет, прошедши[со времени издания, этот труд устарел. Кроме того, важный недостаток его заключается в том, что богатейший материал, собранный ученым, систематизирован не в хронологическом порядке. Между тем, очевидно, что на протяжении византийского тысячелетия реалии охоты заметно менялись; равно как трансформировалась и трактовка охоты в сознании византийцев, в их литературе и искусстве⁴. Раскрыть некоторые аспекты этой трансформации – одна из задач настоящей статьи.

***

Охотничьи мотивы развиваются в трех письмах Дафнопата.

1. Письмо Евстафию, протоспафарию и *epi tou kanikleiou*⁵. Автору принесли убитого на охоте зайца, и он отправляет адресату в подарок его самые лакомые части. Автор шутит, что молитва адресата «неуловляемо уловляет» дичь – пусть он и впредь молится, чтобы дичь ловилась еще более жирная.

---

³ *Koukoulès Ph. Vie et civilisation byzantines. Athènes, 1952. T. 5 : Mets et boissons, repas et banquets, la danse, la vie du paysan, l'apiculture, la viticulture, la vie pastorale, la pêche, la vie du marin, la chasse. P. 387–423. Из новейшей литературы можно указать лишь немногие работы: Ševčenko N. P. Wild Animals in the Byzantine Park // Byzantine Garden Culture / ed. A. Littlewood, H. Maguire, J. Wolschke-Bulmahn. Washington, D. C., 2002. P. 69–86; Delobette F. L'empereur et la chasse à Byzance du XIe au XIIIe siècle // La forêt dans tous ses états – de la préhistoire à nos jours: actes du colloque de l'Association interuniversitaire de l'Est, Dijon, 16–17 novembre 2001 / sous la dir. de J.-P. Chabin, R. Chapuis. Besançon, 2005. P. 283–296.*

⁴ Весьма ценны замечания А. П. Каждана о том, как менялось представление об охоте на протяжении X–XII вв. По словам ученого, авторы X в. относились к охоте настороженно, а к эпохе Комнинов охота занимает почетное место в византийской литературе и искусстве. См.: *Kazhdan A. P., Epstein A. W. Change in Byzantine culture in the eleventh and twelfth centuries. Berkeley, 1985. P. 110.*

⁵ *Daphn. P. 189–191, Ep. 28.*

2. Письмо Роману II⁶. Автор получает подарок – дичь, подстреленную на царской охоте – козла, зайца и куропатку. Дафнопат подробно описывает каждое из убитых животных, и толкует подарок аллегорически – дичь символизирует поверженных императором врагов. Для примера можно привести красочное описание куропатки: «Была вместе с ними пленена и куропатка, которая... будто бы насмеялась над своими союзниками [козлом и зайцем] как более вялыми и медлительными в бегстве, но и они в ответ насмеялись и потешались над ней, ибо, хоть она и летала проворнее всех и намного быстрее соколов, она все же не избежала смертоносных царских ловушек. Несмотря на то, что она, по обычаю, [пыталась] укрыться в кустах, лощинах и в густых зарослях, сокола слетелись, окружили ее, и она оказалась для их крыл легчайшей добычей. На ней было множество ран от когтей – видно было, что все тело ее испещрено – но еще больше от клювов, которыми были распороты и разорваны ее внутренности»⁷.

3. Письмо ксенодоху Пил⁸. Автор восторженно описывает образ жизни адресата на лоне природы, в предместье столицы. В частности, рассказывается, как адресат с большой компанией друзей и домочадцев устраивает охоту на зайцев. Кульминация этого описания – сцена заячьего гона: «Когда же на зайца спускают собаку, можно наблюдать нечто весьма приятное и сладостное. Заяц, спасая свою жизнь, стремглав несется по кручам и оврагам. Или он укрывается в кустах, деревьях и ущельях гор, стремится избежать неприятеля, прячась в пещерах среди отвесных скал, или, если он застигнут на широкой равнине, то, видя мириады врагов, теснящие его отовсюду, он мчится прямо, увлекая за собой преследователей, а затем, внезапно повернув в сторону, сбивает и расстраивает погоню охотников, несущихся вперед, и так добывает себе спасение. Но хитрость удается ему не всегда – избавившись от одной части преследователей, он жалким образом натывается на другую; и тогда, или тяжело раненный кинжалом, или схваченный собакой, или обессиленный ударом палицы, он становится легкой добычей»⁹.

В первом случае охота становится предметом остроумного каламбура, во втором и в третьем ей посвящаются пространные описания. И то и другое, без сомнения, относится к жанру экфрасиса, возрожден-

---

⁶ Daphn. P. 149–155, Ep. 14.

⁷ Ibid. P. 151, Ep. 14.27–36.

⁸ Ibid. P. 211–213, Ep. 37.52–83.

⁹ Ibid. P. 211, Ep. 37.68–80.

ному византийскими авторами IX–X вв.¹⁰, и написано в лучших традициях риторики. Текст насыщен цитатами и парафразами из античных источников. Так, в описании козла можно заметить влияние 4 текстов – «Илиады», «Геракла» Еврипида¹¹, «Эфиопики» Гелиодора¹² и «Истории» Агафия Миринейского. Метод работы византийского ритора с античным материалом наиболее интересно проследить на примере Агафия. Образцом для Феодора становится описание буйвола, встретившегося на охоте франкскому королю. Сопоставим две фразы.

Τὸ δὲ ἦν [τ]ράγος... οὐδὲ τῶν συνήθων καὶ **τιθασῶν**] καὶ τ[ι]νος αἰπολίου προηγουμένων, ἀλλὰ τις δ[α]σ[ύ]θρο[ι]ξ καὶ ἄγριος **κέρασι** μὲν μακροῖς καὶ ἐπικαμπέ[σ]ι διαπλαττόμενος, τραχέσι δὲ θριξί καὶ οἶον ἐξ ἐναντίας ὠρῶν κράσεως τραχυνθείσαις σκεπόμενος, καὶ [ο]ἶους ἡλίβατοι καὶ ἀπόκρημνοι πέτραι φέρειν [εἰ]ώθασι καὶ τῶν ὀρῶν αἰ ὑπερνεφεῖς κορυφαί¹³.

...ταῦρος αὐτῷ ὑπαντιάζει μέγας τε καὶ ὑψίκερος, οὐ τῶν **τιθασῶν** δήπου τούτων καὶ ἀροτήρων, ἀλλ' ὑλονόμος καὶ ὄρειος καὶ τοῖς **κέρασι** τὸ ἀντίπαλον διαφθείρων¹⁴.

Лексических параллелей немного – они выделены курсивом – но, в то же время, тексты весьма сходны: у обеих фраз одно и то же содержание и синтаксическая структура; обе делятся на две части: в первой говорится, что животное не было домашним и прирученным, во второй – что оно было, напротив, диким и горным; в первой части обеих фраз употреблен *genetivus partitivus*, во второй – причастие в номинативе. Дафнопат правит и видоизменяет текст источника. Козел, в отличие от быка, не может быть подъяремным, и потому ἀροτήρων («подъярем-

¹⁰ См.: *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 170–188.* В последние годы эта тема оказалась в центре внимания исследователей. См. например: *Ekphrasis: la représentation des monuments dans les littératures byzantine et byzantino-slaves. Réalités et imaginaires / éd. par V. Vavřínek, P. Odorico, V. Drbal // Byzantinoslavica. 2011. T. 69. 3 suppl.* В изучении античного и византийского экфрасиса был достигнут значительный прогресс, но экфрасис охоты, как жанровая разновидность, обильно представленная в византийской литературе, пока остается вне поля зрения ученых.

¹¹ О параллелях с Гомером и Еврипидом подробнее см. ниже.

¹² *Daphn.*, P. 149, Ep. 14.7, cfr. *Hld, Aeth.* 5.14.2; P. 151, Ep. 14.14–15, cfr. *Hld, Aeth.* 5.14.3.

¹³ *Daphn.*, P. 149, Ep. 14.6–12.

¹⁴ *Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque / rec. R. Keydell. Berolini, 1967. P. 14.19–21.*

ных») Феодор заменяет словосочетанием τινος αἰπολίου προηγουμένων («которых ведет пастух»). Другие перемены произведены, видимо, ради красоты слога. Так, скупой эпитет ὄρειος («горный») заменяется пространным придаточным предложением οἴους ἠλίβατοι καὶ ἀπόκρημνοι πέτραι φέρειν εἰώθασι καὶ τῶν ὄρων αἰ ὑπερνεφεῖς κορυφαί («из тех, какие обыкновенно живут среди крутых обрывистых скал и на заоблачных горных вершинах»). Кроме того, добавляется образная деталь, которой у Агафия вообще не было – жесткая шерсть, закрутившая от сурового климата. Таким образом, метод Дафнопата отнюдь не механический – автор сохраняет синтаксис образца, но варьирует лексику и распространяет описание за счет новых живописных деталей.

Можно ли, используя слова Пселла, сказать о Дафнопате, что он «делил время между книгами и охотой»¹⁵? Личные наблюдения Феодора трудно отделить от книжной учености. Для динамичной сцены заячьего гона, например, образец найти не удастся, но в какой мере она была списана с натуры – вопрос открытый. Но, так или иначе, внимание Дафнопата к охотничьей тематике очевидно – о нем свидетельствует и знакомство автора со специальной литературой: в послании к ксенодоху Пил Феодор цитирует прозаическую парафразу «Кинегетики» Псевдо-Оппиана, приписываемую Евтекинию, хотя параллели с этим текстом появляются не в экфрасисе охоты, а в изображении рыбной ловли и сбора винограда¹⁶.

Описания охоты в письмах Дафнопата, безусловно, заслуживают специального исследования: во-первых, это одни из самых ранних византийских текстов, где упоминается соколиная охота, а во-вторых, как мы сейчас попытаемся показать, они совершенно нетипичны для своего времени. Новаторство Феодора проявляется в двух аспектах:

1. Охота как предмет экфрасиса;
2. Мотив «император как искусный охотник».

Рассмотрим каждый из двух аспектов в отдельности.

***

---

¹⁵ Michel Psellos. *Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077)* / ed. É. Renauld. Paris, 1928. Vol. 2. P. 92, 17.5–6.

¹⁶ Daphn., P. 213–215, Ep. 37.111–117, cfr. *Die Paraphrase des Euteknios zu Oppians Kynegetika* / hrsg. von O. Tüselmann // *Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse*. Berlin, 1900–1901. Bd. 4, Nr. 1. S. 9.13–17; Daphn., P. 207–209, Ep. 37.5–6.26–30, cfr. *Die Paraphrase des Euteknios...* S. 10.34 – 11.1.

Как известно, в литературе Комниновского периода можно выделить особый поджанр – экфрасис охоты¹⁷. Константин Манасси создает описания охоты на журавлей¹⁸ и ловли мелких птиц¹⁹, Константин Пантехн описывает охоту на зайцев с леопардом²⁰, Никифор Васибеки слагает энкомий псу, принадлежащий к этой же традиции²¹. Наш автор создает свои эпистолярные экфразы за два столетия до этого. Насколько традиционны данные описания и насколько они вписываются в литературу Македонского возрождения?

В позднеантичной литературе, как греческой так и римской, об охоте говорится часто и много – чтобы в этом убедиться, достаточно просмотреть соответствующую главу в энциклопедии Паули. Немало сохранилось и подробных описаний – в основном, они содержатся в дидактических кинегетиках (например, в «Кинегетике» Псевдо-Оппиана) и в риторических экфрасисах (например, в прогимнасме Либания²² и в экфрасисе Проккопия Газского²³). С VII в. охота, равно как и многие другие мирские темы, оказывается на периферии литературного горизонта. Упоминания об этом занятии сосредоточены, в основном, в антиконоборческой литературе – иконоборцы уничтожали лики святых, но сохраняли изображения травли зверей (κυνήγια/κυνηγέσια) и театральных зрелищ (θέατρα)²⁴. Мы нарочно не перевели κυνήγια как «охота». В греческой патристике этот термин, соответствующий латинскому *venatio*, часто появляется вместе со словом θέατρα, и не всегда удается точно понять, что он означает – охоту (будь то на природе или в охотничьих угодьях), или бои со зверями

¹⁷ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur... S. 185–186.

¹⁸ Курц Э. Два неизданных произведения Константина Манасси // ВВ. 1906. Т. 12. С. 79–88.

¹⁹ Horna K. Analekten zur byzantinischen Literatur. Wien, 1905. S. 3–35.

²⁰ Miller E. Description d'une chasse à l'once par un écrivain byzantin du XIIe siècle de notre ère // Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France 6 (1872). P. 28–52 (текст – P. 47–52).

²¹ Niceforo Basilace. Proginnasmi e monodie / testo crit., introd., trad. a cura di A. Pignani. Napoli, 1983. Prog. 29.

²² Libanii Opera / rec. R. Foerster. Lipsiae, 1915. Vol. 8. Progyrnasmata, argumenta orationum Demosthenicarum. Prog. 12.10.

²³ Spätantiker Gemäldezyklus in Gaza: des Prokopios von Gaza Ekphrasis eikonos / hrsg. und erkl. von P. Friedländer. Città del Vaticano, 1939. S. 5–18.

²⁴ См., например: Sancti Nicephori Antirrheticus liber quartus / ed. J. B. Pitra // Spicilegium Solesmense. Paris, 1858. Vol. 4. Cap. 13, 16; La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre / introd., éd. et trad. par M.-Fr. Auzépy. Aldershot, 1997. Chap. 26.11.

на ипподроме. Так, например, юный герой романа о Варлааме²⁵ избегал пустых занятий молодости – театра, конских ристаний и травли зверей²⁶. Чего он избегал – участия в охоте или созерцания звериной травли в цирке? Неясность подобных упоминаний прекрасно показывает, что писателей того времени – по крайней мере, известного нам иконофильского направления – охота интересовала мало. В текстах IX в. удается собрать несколько крупиц, относящихся непосредственно к охоте, но и они малочисленны и скупы. Так, юный Феофан Исповедник упражнял тело конной ездой и охотой (автор не уточняет, какой именно, а сразу переходит к аллегорической трактовке: ловля зверей = искоренение злых духов)²⁷; на охоте погибает епископ-иконоборец²⁸; несколько охотничьих сравнений можно найти в «Малом катехизисе» Феодора Студита²⁹.

Ситуация меняется в X в. Упоминания об охоте заметно учащаются и конкретизируются. Яркий пример – хроники, в которых многократно говорится об охоте императоров и их приближенных. Так, из хроники Симеона Логофета мы узнаем о несчастных случаях, произошедших на охоте с Василием I и его приближенным Яковицей³⁰. Генесий и Продолжатель Феофана упоминают об охотничьих подвигах Василия I, поражавшего оленей, волков и медведей³¹. У Продолжателя Феофана упоминаний об охоте особенно много: охотничьи выезды царей становятся ареной целого ряда захватывающих интриг³²; есть некоторая информация и о порядке проведения императорской охоты – так, мы узнаем, что

---

²⁵ «Повесть о Варлааме и Иоасафе» ориентировочно датируется VIII–IX вв. См.: Каздан А. П. История византийской литературы. СПб, 2002. Т. 1: 650–850 гг. С. 132–138.

²⁶ St. John Damascene Barlaam and Ioasaph / transl. by G. R. Woodward, H. Mattingly; introd. by D. M. Lang. Cambridge, Mass. 1937. P. 436, 28.261.

²⁷ См.: Мефодия патриарха Константинопольского житие преп. Феофана Исповедника / изд., введ., примеч. и указ. В. В. Латышев. Пг., 1918.

²⁸ *Papadopoulos-Kerameus A. Ανάλекτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας*. St.-Petersburg, 1897. Vol. 4. P. 288.1.

²⁹ Theodori Studitis praepositi Parva catechesis / ed. E. Auvray. Paris, 1891. § 35.31–36, 54.50–55.

³⁰ Leonis Grammatici Chronographia / rec. I. Bekker. Bonnae, 1842. P. 253.8–14, 262.1–11.

³¹ Iosephi Genesii regum libri quattuor / rec. A. Lesmueller-Werner, I. Thurn. Berlin; New York, 1978. P. 40.1–4; Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1838. P. 232.3–8.

³² Theophanes Continuatus... P. 230.16 – 234.6; 249.10 – 250.1; 349.18 – 350.8.

впереди процессии ехал на коне протостратор с вардукием на поясе³³. Наконец, Лев Диакон сетует на частые охоты Романа II, которые стали причиной его ранней смерти³⁴.

Светский мотив охоты активно вторгается и в жития. Житие Евфимия подробнее, чем Симеон Логофет, повествует о смерти Василия I – огромный олень подцепил его на рога и тащил за собой, пока кто-то не перерубил пояс мечом³⁵. Охотник оказывается одним из центральных персонажей загадочного жития Феоктисты Лесбосской (ВНГ 1723)³⁶. Автор жития, Никита Магистр, создает его как переложение легенды о Марии Египетской³⁷, и вместо старца Зосимы вводит охотника с Евбеи – реверанс в сторону Диона Хрисостома, изобразившего в одной из речей (Ог. 7) бедного и бесхитростного охотника из Евбеи. Этот необразованный, хотя и благочестивый человек – единственный, кто видел святую и говорил с ней, и ему автор доверяет рассказывать о ней от первого лица. Прямая речь, по замыслу автора, отражает характер и интересы персонажа – он невольно отрывается от основной темы и повествует то о местных целебных травах³⁸, то о замечательных рогах местных оленей³⁹. Охотник вводится также и в житие Павла Латрийского – охотничьи собаки обнаруживают святого в роще, и их хозяин оказывает святому гостеприимство⁴⁰.

Охотничья тематика проникает в эпистолографию: желая выразить свою радость по случаю получения письма (традиционная тема⁴¹), Си-

---

³³ Theophanes Continuatus... P. 232.1–2.

³⁴ Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem / rec. C. B. Hasii. Bonnae, 1828. P. 30.12 – 31.2.

³⁵ Vita Euthymii Patriarchae Constantinopolitanae / text, transl., introd. and comment. by P. Karlin-Hayter. Bruxelles, 1970. § 1.

³⁶ Acta Sanctorum Novembris / ed. H. Delehaye, P. Peeters. Bruxelles, 1925. T. 4. P. 224–233

³⁷ Историко-литературный анализ этого памятника см.: Kazhdan A. P. Hagiographical Notes // BZ. 1985. Bd. 78. S. 49–55; Jazdzewska K. Hagiographic Invention and Imitation. Niketas' Life of Theoktiste and its Literary Models // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2009. Vol. 49. P. 257–279.

³⁸ Acta Sanctorum Novembris. P. 228B.

³⁹ Ibid. P. 229E.

⁴⁰ Vita S. Pauli Junioris // Milet: Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899 / hrsg. von Th. Wiegand. Berlin, 1913. Bd. 3. Heft 1: Der Latmos. S. 119–120, § 25.

⁴¹ О нормах эпистолярного этикета, связанных с этой ситуацией, см.: Черноглазов Д. А. Laus epistulae acceptae: об эволюции византийского эпистолярного

меон Логофет (или аноним, которому приписывается это имя) вводит необычную развернутую охотничью метафору: во время ловли тигрят, говорит он, охотники сажают одного из них в стеклянный сосуд и оставляют; мать-тигрица находит детеныша, безуспешно пытается достать его и не преследует охотников; адресат, запечатленный в письме, как тигренок в стеклянном сосуде – автор видит его и пытается обнять, но тщетно⁴². Ловля тигрят, очевидно, не входила в число обычных занятий для византийцев того времени – рассказ был почерпнут из античного источника, который пока не удается идентифицировать. Как бы там ни было, внимание к охоте возрастает – охотничьи сравнения, которые мы находили в сочинениях Феодора Студита, были куда короче и абстрактнее. Еще одно сравнение из той же сферы появляется и в другом письме из собрания того же Симеона⁴³.

Итак, авторы X в упоминают об охоте куда чаще, чем их предшественники – охотничьи выезды становятся местом действия, охотник – одним из действующих лиц. Однако ни один из упомянутых текстов не содержит описания охоты как процесса. Первые – со времен эпохи Юстиниана – экфрасисы охоты мы обнаруживаем в письмах Феодора Дафнопата. На плодородной литературной почве Македонского возрождения появление этих описаний закономерно, но они все же остаются необычным явлением – ни в каком другом известном нам тексте X в. охота не описывается. Можно, конечно, допустить существование других, утраченных текстов, но мнение о новаторстве нашего автора выглядит убедительно. Как уже говорилось, многие его письма на фоне литературы X в. выглядят весьма экстравагантно.

Однако – поставим еще один вопрос – можно ли письма Дафнопата квалифицировать исключительно как отклонение от литературной нормы, самобытные эксперименты в ученой придворной среде? Если мы рассмотрим интересующие нас тексты в перспективе дальнейшего развития византийской культуры, то легко убедимся: пример Феодора – не столько единственный в своем роде, сколько первый в ряду описаний охоты XI–XII вв. Так, подробные описания охоты можно в изобилии найти в произведениях Михаила Пселла⁴⁴. Особенно распространенной

комплимента // ВВ. 2010. Т. 69. С. 174–186; *Karlsson G. H. Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine*. Uppsala, 1959. P. 79–111.

⁴² *Darrouzès J. Épistoliers byzantins du Xe siècle*. Paris, 1960. P. 150–151, Ep. 89.

⁴³ *Ibid.* P. 155–156, Ep. 96.

⁴⁴ *Sathas K. N. Bibliotheca Graeca Medii Aevi*. Vol. 5. Paris, 1876. P. 406–409, Ep. 156; *Michaelis Pselli scripta minora magnam partem adhuc inedita* / ed. E. Kurtz,

становится эта тема в XII в. О жанре описания охоты уже говорилось; помимо произведений Манасси, Пантехна и Василики, описания охоты можно найти в исторических сочинениях⁴⁵. В то же время, по всей видимости, происходит и письменная фиксация эпической поэмы о Дигенисе Акрите⁴⁶, где охота становится одним из лейтмотивов и тоже нередко заслуживает подробного описания⁴⁷.

Таким образом, можно проследить, как с IX по XII век интерес византийских писателей к охоте постепенно возрастает – сперва учащаются упоминания в хрониках и житиях, затем создаются все более детальные экфрасисы. Важным звеном в этом процессе оказывается творчество Феодора Дафнопата.

***

Дичь, присланная от императора Романа II, дает Феодору Дафнопату повод не только для экфрасиса, но и для энкомия. Во-первых, он восхваляет силу и ловкость Романа: козла, по его словам, «не выследили гончие собаки, не загнали лаконские псы, не поразило летучее копье – нет, он пал жертвой поистине самой меткой и царственной руки, *укрошенный*, как сказано в поэме, *сверкающим дротиком* (курсив. – Д. Ч.)»⁴⁸. Героический характер подвига подчеркивают цитаты из «Илиады» («укрошенный сверкающим дротиком») и из трагедии Еврипида «Геракл», откуда заимствуются два выражения: «меткая рука»⁵⁰ и «летучее копье»⁵¹, причем последнее словосочетание взято из монолога Геракла, обещающего усмирить копьем мятежных фиванцев. Таким образом, Роман ставится в один ряд с героями троянской войны и с Ге-

---

F. Drexl. Milano, 1941. Vol. 2. P. 205–206, Ep. 186; 278–281, Ep. 232; Michaelis Pselli Oratoria minora / ed. A. R. Littlewood. Leipzig, 1985. Or. 36.69–75.

⁴⁵ См, например: Ioannis Cinnami epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / rec. A. Meineke. Bonnae, 1836. P. 266.9 – 267.13; Nicetae Choniatae Historia / rec. J. van Dieten. Berlin; New York, 1978. Vol. 1. P. 333.6–21.

⁴⁶ Digenis Akritis: the Grottaferrata and Escorial versions / Ed. and transl. by E. Jeffreys. Cambridge University Press, 1998. О датировке см.: P. lvi – lvii.

⁴⁷ Наиболее пространное описание охоты в Гроттаферратской версии см.: Digenis Akritis... P. 70.72 – 80.228.

⁴⁸ Daphn., P. 151, Ep. 14.15–18.

⁴⁹ Nom. II. 16.816 sq.

⁵⁰ Daphn., P. 151, Ep. 14.16–17: εὐστοχωτάτης... χειρὸς; cfr. Eur. HF, 195: χεῖρ' ἔχουσιν εὐστοχον.

⁵¹ Daphn., p. 151, Ep. 14.16: βέλεσι πτερωτοῖς; cfr. Eur. HF, 571: πτερωτοῖς... τοξεύμασιν.

раклом. Во-вторых, Дафнопат символически соотносит поверженную дичь с врагами империи, которых победил император: «это знаки, иносказательно указующие на твое величество, мужественно и победоносно [ратующее] против варваров. Сперва они, будто некие дикие козлы... внушают многим, будто они неуловимы. Затем же, испытав на себе твое нападение, они, словно трусливые зайцы, препоручают спасение бегству, и тогда их постигают два несчастья: во-первых, они обнаруживают собственную немощь и слабость, а во-вторых – будучи плененными, доказывают, насколько неодолима твоя держава. Однако пусть они и рога гордыни ввысь поднимают, и, подобно зайцам, трусость и робость испытывают, и, подобно куропаткам, к хитрости прибегают и, олицетворяя спасительное бегство, пытаются скрыться в кустах и лощинах – как бы там ни было, на деле они оказываются пленниками и данниками твоего царственного благородства, делаясь легкой добычей на войне»⁵². Такое истолкование не может не вызвать удивления: изнеженного Романа никак нельзя назвать императором-воином – он не участвовал ни в одном сражении и не одержал ни одной победы. По-видимому, оратор намекает на победы, одержанные полководцами Романа, в первую очередь, Никифором и Львом Фоками. Может быть, именно они подразумеваются под соколами, разорвавшими внутренности несчастной куропатке? Однако для нас сейчас важнее другое: в письме Дафнопата раскрывается образ императора как искусного охотника, и его подвиги на охоте соотносятся с его военными трофеями. Такой образ был характерен для очень многих цивилизаций – насколько он типичен для Византии, или, конкретнее, для византийской литературы и идеологии X в? Иначе говоря, насколько охота считалась тогда занятием, достойным императора? Для начала будет полезно вновь совершить краткий экскурс в позднюю античность и раннюю Византию, дабы потом сконцентрироваться на ситуации, сложившейся в VIII–X вв.

На древнем востоке и в греко-римской античности образ правителя как отважного охотника, вступающего в единоборство с дикими зверьми, был весьма распространен. Он зафиксирован во множестве произведений как литературы, так и изобразительного искусства. Особенно важной была тема единоборства правителя со львом – для греко-римского мира это, в первую очередь, означало параллель с Гераклом. В поединке со львом изображался Александр Македонский, очень многие римские императоры начиная с Траяна и Адриана. Охота была излюбленным занятием многих императоров: одни, как Адриан или Оденат, выслеживали хищников в лесах и пустынях, а другие, как

---

⁵² Daphn., P. 151–153, Ep. 14.37–50.

Коммод или Каракалла, истребляли их сотнями в цирке. Среди памятников позднеантичной литературы, в которых император восхваляется как охотник, можно назвать, например, посвященный Траяну панегирик Плиния Младшего⁵³, третью речь «о царстве» Диона Хрисостома⁵⁴, в которой выстраивается образ идеального государя, а также речь «О деяниях самодержца или О царстве» Юлиана Отступника⁵⁵. Плиний и Дион противопоставляют два вида императорской охоты: первая, похвальная для правителя – это охота на дикой природе, когда охотник один на один выходит против хищного зверя и состязается с ним в силе, быстроте и уме, такая охота укрепляет его тело и душу и причащает к войне; а вторая, недостойное занятие для правителя – это истребление животных в парадизах и вивариях. Такая охота присуща персам и некоторым римским принцепсам, которых оба оратора противопоставляют отважному Траяну. Сходный взгляд на царскую охоту присущ и историку IV в. Аммиану Марцеллину: увлечение императора Грациана, охотившегося на хищных зверей в вивариях, он называет праздным занятием и сравнивает Грациана с Коммодом, убивавшим животных в цирке⁵⁶.

Начиная с V–VI вв. образ императора-охотника постепенно отходит на задний план. Видимо, причина кроется в том, что идеология постепенно христианизируется, и среди царских добродетелей на первое место выступают благочестие, кротость, милость и т. д. Сила и ловкость – проявляемые как в бою, так и на охоте – теряют значение. Показательно, что в обширных исторических трудах Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского и Феофилакта Симокатты трудно найти упоминания о царской охоте. Единственный правитель, занимающийся охотой у Агафия – франкский король Теодеберт⁵⁷. Особенно показателен труд Симокатты: об охоте там упоминается часто, но занимаются ею брат императора Петр⁵⁸, свита царя⁵⁹, но никак не сам император. Когда Маврикий сталкивается с диким вепрем, ему достается лишь пассивная роль – удержаться в седле и не упасть с коня⁶⁰. Из царственных особ лишь сын

---

⁵³ Pliny. *Pan.* 81.

⁵⁴ Dio Chrys. *Or.* 3.135–138.

⁵⁵ Jul. 53B.

⁵⁶ Amm. Marc. 31.10.18.

⁵⁷ Agathiae Myrinaei... P. 14.18 – 15.6.

⁵⁸ Theophylacti Simocattae *Historiae* / ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887. P. 248, VII. 2.11–12.

⁵⁹ *Ibid.* P. 222–223, VI. 2.1–9.

⁶⁰ *Ibid.* P. 218–219, V. 16.12–14.

Маврикия, юный Феодосий беспечно охотится в окрестностях Константинополя, когда мятежное войско во главе с Фокой уже подступает к столице⁶¹. Навряд ли можно предполагать, что для Феофилакта (и его современников?) охота была достойным занятием для самодержца.

Сходная ситуация сохраняется и в последующие столетия, в VIII–IX вв. Можно лишь предполагать, что прославление императора как охотника и воина было присуще утраченной иконоборческой традиции. Такое предположение подкрепляется двумя свидетельствами. Во-первых, эта парадигма была жива в изобразительном искусстве – иконоборцы сохраняли изображения подвигов правителей на поле брани и на охоте. Во-вторых, в латинском переводе сохранилась легенда о Константине V: император хотел показать, что он сам подвергает себя опасности прежде своих подданных, и потому победил в поединке грозного льва, а затем вышел против дракона, но потерпел поражение⁶². Вообще, героический образ правителя, вступающего в поединок со свирепым хищником, разумеется, был жив в фольклоре. Помимо уже приведенного сюжета, этот мотив отразился в легенде о Константине Великом, сформировавшейся, вероятно, в IX в.⁶³ По одной из версий легенды, в империи существовал обычай, по которому император должен был выйти на арену и победить медведя и льва, у которых были заранее вырваны когти и зубы. Коварный Галерий подстроил так, чтобы вместо него вышел юный Константин (тогда еще не император) и чтобы зверей на него спустили не искалеченных, но Константин справился с этой задачей и одолел хищников⁶⁴. Вместе с тем, в текстах, отражающих официальную идеологию Византии IX – начала X в., прежде всего, в «Поучительных главах», приписываемых Василию I, и в различных произведениях Льва VI⁶⁵, фольклорный образ царя-охотника никак не отразился.

Ситуация ощутимо меняется в середине X в. Придворные историки Константина VII Багрянородного, создавая образ идеального императора Василия I, вновь обращают взор на такие «мирские» достоинства, как сила и ловкость – вместе с ними в официальной идеологии понемногу

---

⁶¹ Theophylacti Simocattae Historiae. P. 297–298, VIII. 8.4.

⁶² MGH, SS. 1878. T. 3. P. 422–423.

⁶³ О становлении этой легенды и ее различных версиях см.: *Каждан А. П.* История византийской литературы. С. 171–181.

⁶⁴ *Halkin F.* Une nouvelle vie de Constantin dans un légendier de Patmos // *Analecta Bollandiana.* 1959. T. 77. P. 77.

⁶⁵ *Чичуров И. С.* Традиция и новаторство в политической мысли Византии конца IX в: место «Поучительных глав» Василия I в истории жанра // *ВВ.* 1986. Т. 47. С. 95–100.

воскресает образ императора-охотника. Так, в заключении своего рассказа о Василии, Генесий восхищается его физической силой и в подтверждение упоминает, в частности, о двух его охотничьих подвигах: император переломил палицей задние ноги оленя и то же сделал с волком. О победе над волком подробнее рассказывает Продолжатель Феодана⁶⁶. Однако, нетрудно заметить, что оба автора вводят мотив царской охоты с некоторой осторожностью. Во-первых, о сражениях Василия с дикими зверьями упоминается лишь мимоходом. Во-вторых – что важнее – о том, что Василий регулярно и увлеченно занимался охотой, нигде не говорится; и упомянутый подвиг он совершил еще до вступления на престол, когда он по долгу службы, в качестве протостратора, сопровождал Михаилу III. Φιλόθηρος, «страстный охотник» – это эпитет Михаила III⁶⁷, героя изначально негативного, все поступки которого недостойны царя. Вообще, в глазах историков X в увлечение императора охотой – скорее изъян, чем достоинство; как правило оно присуще «дурным» императорам, проводящим время в праздности. Наряду с Михаилом III можно упомянуть Александра, которого интересовали лишь ипподром, игра в мяч и охота⁶⁸, и Романа II, который, по вине своих подданных, увлекся охотой, и пока его полководцы боролись с варварами, гонялся по горам за оленями⁶⁹; наконец, рассказ о последней трагической охоте Василия I характеризует его далеко не с лучшей стороны и, естественно, пересказывается только теми авторами, которые симпатии к нему не питают⁷⁰.

Итак, историки X в. вводят мотив императора-охотника весьма осторожно. Куда более решительно поступает придворный ритор Романа II Феодор Дафнопат. Во-первых, он не ограничивается простым упоминанием о царской охоте, но пространно восхваляет меткость доблестного императора и эксплицитно связывает охотничьи подвиги Романа с его победами – тем самым, древняя парадигма «император как искусный охотник и доблестный воин» впервые за несколько веков предстает перед нами в развернутой, завершенной форме. Во-вторых, по сравнению с традицией (как византийской, так отчасти и позднеантичной), Дафнопат заметно расширяет диапазон видов охоты, достойных царя. Застрелить из лука льва или тигра, убить палицей медведя или волка, настигнуть быстрого оленя – эти виды охоты искони считались царствен-

---

⁶⁶ См. примеч. 30.

⁶⁷ Theophanes Continuatus... P. 233.1–2.

⁶⁸ Ibid. P. 378.18–21 (=Leonis Grammatici... P. 286.7–10).

⁶⁹ Leonis Diaconi... P. 30.12 – 31.2.

⁷⁰ Leonis Grammatici... P. 262.1–11.

ными. Никому не пришло бы в голову восхвалять Траяна или Адриана по случаю «победы» над мелкой дичью. Этот же взгляд проявляется в труде Продолжателя Феофана: Василий одним ударом палицы рассекает голову свирепого волка, а его антипод Михаил III, верхом на коне, попадает палицей в зайца и, вне себя от радости, спешивается, чтобы зайца добить⁷¹. Эта красноречивая антитеза не требует дополнительных комментариев. Дафнопат, согласно традиции, сравнивает своего героя-охотника с Гераклом, но добыча этого Геракла – не лев, а козел, заяц и куропатка, причем куропатку заклевали сокола, а заяц попался в силки. Читатель, не искушенный в гиперболах византийской риторики, мог бы заподозрить здесь скрытую насмешку над императором.

Конечно, слова Дафнопата были обусловлены конкретной ситуацией, но вряд ли письмо к Роману следует трактовать исключительно как «курьезное» отступление от нормы, сделанное не в меру льстивым византийским оратором. То, что впервые встречается у Дафнопата, становится нормой для последующих поколений византийских писателей. Образ императора как искусного охотника прочно входит в официальную византийскую идеологию; охота, достойная правителя – не только героический поединок со свирепым хищником, но и более обыденная охота с собаками и с соколами; любая царская охота не трактуется как забава, а так или иначе соотносится с победами правителя на поле брани. Наиболее часто и пространно эта тема разрабатывается придворными риториками и поэтами Комнинов. Рассмотрим два характерных примера.

Об охоте как самого императора, так и членов его семьи в произведениях Продрома говорится часто⁷². Один из наиболее показательных примеров – стихотворение, посвященное победам Мануила I в 1149–1151 гг. Описывая его венгерский поход, автор последовательно выстраивает образ императора как охотника, настигающего диких зверей и варваров⁷³. Враги, узнав о приближении ромеев, попрятались кто куда, но император и его воины все равно их настигли: одних в ущельях гор, будто зайцев, других на вершинах, будто оленей, третьих в чащах, словно медведей, четвертых в тростнике, будто диких львов. Как и Феодор Дафнопат двумя столетиями раньше, Продром сравнивает врагов с разнообразными дикими зверьми, пойманными искусным охотником. Успех кампании Продром напрямую связывает с охотничьими «упражнениями» Мануила – на охоте император узнал, как искать дичь в горах и в рощах, а затем применил

⁷¹ Theophanes Continuatus... P. 230.21 – 231.2.

⁷² См., например: Theodoros Prodromos, *Historische Gedichte* / ed. W. Hörandner. Wien, 1974. S. 4.81–90, 44.171, 45.179–184.

⁷³ Ibid. S. 30.267–286.

охотничье искусство против варваров. Сравнение охоты с военным делом подчеркивается изящной парафразой Евангелия: на охоте Мануил обращается к своим спутникам со словами «Идите за мной, охотники на зверей, и я сделаю вас охотниками на варваров!»⁷⁴

Если пример Продрома подразумевает, в первую очередь, охоту на крупную дичь, то Константин Манасси, в уже упомянутом экфрасисе охоты на журавлей, восторженно изображает того же императора Мануила на соколиной охоте. После общих слов о телесной мощи и пронизательности самодержца, автор замечает: «Только кажется, что его охота и упражнения – ради наслаждения и развлечения; на самом деле, они ведут к победам, трофеям, свершениям великих дел и сохранению Ромейской державы». Далее следует пространное сравнение со львом и орлом: как дремлющий лев зорко наблюдает очами души, так и император, даже когда охотится, не упускает из виду врагов Ромейской державы; как орел, он лишь раз «взмахивает крыльями глубококомыслия» и тем самым обращает в бегство целые «стаи» врагов; иногда казалось, что император выходил на охоту, а возвращался с добычей из сатрапов⁷⁵. Таким образом, почти любая охота рассматривается достойное занятие для самодержца – и единоборство со львом, и погоня за зайцами, и ловля птиц с соколами⁷⁶. Однако, если подданным позволительно охотиться исключительно ради удовольствия, то охота царя – не забава, а преддверие подвигов на поле брани. Если погоню за диким кабаном легко представить как полезное упражнение, укрепляющее тело воина, то с соколиной охотой дело обстоит сложнее: чтобы связать эту великосветскую забаву с военными подвигами, риторам приходится обращаться к сравнениям и аллегориям. В XII в. так поступает, например, Константин Манасси, а в X в. – Феодор Дафнопат.

***

---

⁷⁴ Theodoros Prodromos... S. 285–286; cfr. Мф. 4.19.

⁷⁵ Курц Э. Два неизданных произведения Константина Манасси. С. 67–75. В словах энкомиаста можно усмотреть намек на конкретные исторические эпизоды. Несколько таких случаев, когда Мануил выезжал на охоту, но неожиданно встречал персов и наносил им поражение, описаны в историческом труде Иоанна Киннама. См.: Ioannis Cinnami... 2.9; 4.21.

⁷⁶ Единственный вид охоты, с точки зрения византийцев XII в., не подходящий императору – ловля мелких птиц с помощью птичьего клея. Недаром в описании этого занятия, созданном тем же Константином Манасси (см. примеч. 18), главная роль отводится не отважному «рыцарю», а комическому плешивому старику, окруженному оравой мальчишек.

Итак, мы попытались показать, что трактовка охоты на протяжении средневизантийского периода заметно менялась, и что произведения Феодора Дафнопата занимают в этом процессе важное место. Наступило время суммировать наши наблюдения.

1. С X по XII в. внимание византийских писателей к охоте заметно возрастает. Сперва, в эпоху Македонского ренессанса, учащаются упоминания об охоте, и охотники кое-где становятся центральными персонажами. Затем охота становится предметом детальных описаний, и в XII в. экфрасис охоты можно рассматривать как особый риторический поджанр. Первое же – со времен античности – полноценное описание охоты создается в X в. Феодором Дафнопатом.

2. В VIII–IX вв. образ императора-охотника, отважно вступающего в единоборство с дикими зверьми, не был актуален – в правителе прежде всего ценилось благочестие и другие христианские добродетели. С середины X в. в императоре начинают ценить физическую силу и личную воинскую доблесть. Вместе с этими качествами вводится – поначалу осторожно – и мотив охоты. Образ императора-воина и императора-охотника становится особенно распространенным в XII в., особенно в правление Мануила Комнина; причем, в отличие от античной традиции, истинно царской охотой оказывается не только героический, в подражание Гераклу, поединок со львом или барсом, но и, к примеру, травля зайцев или ловля птиц с соколами. Образ, столь типичный для энкомиастов Мануила, впервые появляется в середине X в. и принадлежит перу Феодора Дафнопата.

Разумеется, обе отмеченные тенденции – части одного процесса. Если расширить угол зрения, то станет ясно, что этот же процесс синхронно происходит и в изобразительном искусстве. В XI–XII вв. активно развивается мотив царской охоты. Если прежняя традиция, восходившая к античности, предполагала статичное изображение императора в пышном триумфе, то в Комниновскую эпоху начинают преобладать сцены сражений и охоты. Место триумфатора занимает эпический герой в жесткой схватке с врагом или со зверем – на этой основе образ императора, как и в литературе, сближается с образом Дигениса Акрита⁷⁷. Однако, картины царской охоты в эту эпоху не всегда имеют героический характер – государь изображается не только в поединке с опасным хищником, но и во время охоты на мелкую дичь. Одно из первых таких изображений, датируемое рубежом X и XI вв., содержится на эмалевом медальоне

---

⁷⁷ Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975. С. 207–211.

Описания охоты в письмах Феодора Дафнопата...

из Пала д'Оро – изображена сцена охоты императора на зайцев и птиц⁷⁸. В византийском искусстве это изображение имеет, пожалуй, такое же значение, как в литературе – письмо Феодора Дафнопата к императору Роману II.

Статья поступила в редколлегию 01.06.2015 г.

Черноглазов Дмитрий Александрович

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего языкознания
Санкт-Петербургский государственный
университет
199034, Санкт-Петербург, Россия
Электронная почта:
d_chernoglazov@mail.ru

Dmitry Chernoglazov

PhD (Philology),
Associate Professor at the Department
of General Linguistics
St.-Petersburg State University
199034, Saint-Petersburg, Russia
e-mail: d_chernoglazov@mail.ru

---

⁷⁸ *Grabar A. Le succès des arts orientaux à la cour byzantine sous les Macédoniens // Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst. 1951. Bd. 2. P. 47–50; Каждан А. П. Никита Хониат и его время. СПб, 2005. С. 115–116.*

Д. А. Черноглазов

Antičnaâ drevnost' i srednie veka. 2015. Vol. 43. P. 208–228

DOI 10.15826/adsv.2015.43.013

DMITRY CHERNOGLAZOV

HUNTING DESCRIPTIONS
IN THEODORE DAPHNOPATES' LETTERS:
SOME OBSERVATIONS ON THE DEVELOPMENT
OF HUNTING MOTIFS IN BYZANTINE LITERATURE

Abstract: Theodore Daphnopates is an outstanding Byzantine author of the 10th c. Two Daphnopates' letters contain detailed descriptions of hunting: one of these describes hare chase, another extolls the emperor Romanos II, who presented Theodoros the game, which he had hunted. Both *ekphraseis*, completely untypical for the 10th c., represent the beginning of new literary trends, which will achieve their full development during the subsequent period. Daphnopates' innovation can be perceived in two aspects: for the first time, since the Late Antiquity, hunting becomes an object of a full-scale *ekphrasis*; for the first time in centuries the encomiastic image of an emperor as skillful hunter is revived in the court rhetoric. Later, in the 12th c. *ekphrasis* of hunting will become a specific rhetorical subgenre, and the image of emperor as warrior and hunter will be the cornerstone of the official ideology.

Keywords: Theodoros Daphnopates, Constantine VII Porphyrogennetos, Macedonian renaissance, Byzantine literature, epistolography, historiography, *ekphrasis*, hunting

LITERATURE CITED

- Acta Sanctorum Novembris* / ed. H. Delehaye, P. Peeters. Bruxellis, 1925. T. 4.
Agathiae Myrinaei historiarum libri quinque. Ed. R. Keydell. Berlin, 1967. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae, Vol. 2).
AUVRAY, E. (ed.). *St Patris nostri et confessoris Theodori Studitis praepositi Parva catechesis*. Paris, 1891.
AUZEPY M.-FR. (ed.). *La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre*: introd., éd. et trad. Aldershot, 1997.
CHERNOGLAZOV, D. "Beobachtungen zu den Briefen des Theodoros Daphnopates. Neue Tendenzen in der byzantinischen Literatur des zehnten Jahrhunderts". In *Byzantinische Zeitschrift* 106 (2013). S. 623–644.
CHERNOGLAZOV, D. A. "Laus epistulae acceptae: ob jevoljucii vizantijskogo jepistoljarnogo komplimenta". In *Vizantijskij Vremennik* 69 (2010). S. 174–186.

- CHICHUROV, I. S. "Tradicija i novatorstvo v politicheskoj mysli Vizantii konca IX v.: mesto 'Pouchitel'nyh glav' Vasilija I v istorii zhanra". In *Vizantijskij Vremennik* 47 (1986). S. 95–100.
- DARKEVICH, V. P. *Svetskoe iskusstvo Vizantii*. Moskva, 1975.
- DARROUZÈS, J. (ed.). *Épistoliers byzantins du Xe siècle*. Paris, 1960.
- DELOBETTE, F. "L'empereur et la chasse à Byzance du XIe au XIIIe siècle". In *La forêt dans tous ses états – de la préhistoire à nos jours : actes du colloque de l'Association interuniversitaire de l'Est, Dijon, 16–17 novembre 2001*. Ed J.-P. Chabin, R. Chapuis. Besançon, 2005. P. 283–296.
- Digenis Akritis: the Grottaferrata and Escorial versions*. Ed. E. Jeffreys. Cambridge University Press, 1998.
- FRIEDLÄNDER, P. (ed.). "Spätantiker Gemäldezyklus in Gaza: des Prokopios von Gaza Ekphrasid eikonos". In *Studi e Testi* 89 (1939).
- GRABAR, A. "Le succès des Arts Orientaux à la Cour Byzantine sous les Macédoniens". In *Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst* 2 (1951). P. 32–60.
- HALKIN, F. "Une nouvelle vie de Constantin dans un légendier de Patmos". In *Analec-ta Bollandiana* 77 (1959). P. 63–107.
- HORNA, K. *Analekten zur byzantinischen Literatur*. Wien, 1905.
- HUNGER, H. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. München, 1978. Bd. 1.
- Ioannis Cinnami epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum*. Ed. A. Meineke. Bonn, 1836. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Vol. 23).
- Iosephi Genesisii regum libri quattuor*. Ed. A. Lesmueller-Werner, I. Thurn. Berlin; New York, 1978. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae, Vol. 14).
- JAZDZEWSKA, K. "Hagiographic Invention and Imitation. Niketas' Life of Theoktiste and its Literary Models". In *Greek, Roman and Byzantine Studies* 49 (2009). P. 257–279.
- KARLSSON, G. H. *Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine*. Uppsala, 1959.
- KAZHDAN, A. P. "Hagiographical Notes". In *Byzantinische Zeitschrift* 78 (1985). S. 49–55.
- KAZHDAN, A. P. *Istorija vizantijskoj literatury (650–850 gg.)*. Sankt-Peterburg, 2002.
- KAZHDAN, A. P. *Nikita Honiat i ego vremja*. Sankt-Peterburg, 2005.
- KAZHDAN, A. P., EPSTEIN, A. W. *Change in Byzantine Culture in the eleventh and twelfth centuries*. Berkeley; Los Angeles; London, 1985.
- KOUKOULES, PH. *Vie et civilisation byzantines*. Athènes, 1952. T. 5.
- KURTZ, E. "Dva neizdannyh proizvedenija Konstantina Manassi". In *Vizantijskij Vremennik* 12 (1906). S. 69–98.
- LATYŠEV, V. V. (ed.). *Mefodija patriarha Konstantinopolskogo zhitie prep. Feofana Ispovednika*. Petrograd, 1918. (Zapiski Rossijskoj Akademii Nauk, VIII ser., Istoriko-filologicheskoe otdelenie, T. 13, № 4).
- Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem*. Ed. C. B. Hase. Bonn, 1828. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Vol. 9).
- Leonis Grammatici Chronographia*. Ed. I. Bekker. Bonn, 1842. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Vol. 42).

- Libanii Opera*. Ed. R. Foerster. Lipsiae, 1915. Vol. 8.
- Michaelis Pselli Oratoria minora*. Ed. A. R. Littlewood. Leipzig, 1985.
- Michaelis Pselli scripta minora* magnam partem adhuc inedita. Ed. E. Kurtz, F. Drexl. Milano, 1941. Vol. 2.
- Michel Psellos*. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077). Éd. É. Renauld. Paris, 1928. Vol. 2.
- MILLER, E. "Description d'une chasse à l'once par un écrivain byzantin du XIIe siècle de notre ère". In *Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France* 6 (1872). P. 28–52.
- Niceforo Basilace*. Proгимnasmi e monodie. Ed. A. Pignani. Napoli, 1983.
- Nicetae Choniatae historia*. Ed. J. van Dieten. Berlin, 1975. Vol. 1. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae, Vol. 11).
- PAPADOPOULOS-KERAMEUS, A. *Analekta ierosolimitikēs stahuologias*. Sankt-Petersburg, 1897. T. 4.
- Sancti Nicephori Antirrheticus liber quartus*. Ed. J. B. Pitra. Paris, 1858. (Spicilegium Solesmense, Vol. 4).
- SATHAS, K. N. *Bibliotheca Graeca Medii Aevi*. Paris, 1876. Vol. 5.
- ŠEVČENKO, N. P. "Wild Animals in the Byzantine Park". In *Byzantine Garden Culture*. Ed. A. Littlewood, H. Maguire, J. Wolschke-Bulmahn. Washington, D.C., 2002.
- St John Damascene* Barlaam and Ioasaph. Ed. G. R. Woodward, H. Mattingly. Cambridge, Mass. 1937. (Loeb classical library, Vol. 34).
- Théodore Daphnopatès*. Correspondance. Ed. J. Darrouzès, L. G. Westerink. Paris, 1978.
- Theodoros Prodromos* historische Gedichte. Ed. W. Hörandner. Wien, 1974. (Wiener byzantinische Studien, Bd. 11).
- Theophanes Continuatus*, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Ed. I. Bekker. Bonn, 1838. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Vol. 45).
- Theophylacti Simocattae* Historiae / ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887.
- Theophylacti Simocattae* historiae. Ed. C. de Boor. Leipzig, 1887.
- TÜSELMANN, O. (ed.). "Die Paraphrase des Euteknios zu Oppians Kynegetika". In *Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse* 4 (1900–1901).
- VAVŘINEK, V., ODORICO, P., DRBAL, V. (ed.). "Ekphrasis: la représentation des monuments dans les littératures byzantine et byzantino-slaves: réalités et imaginaires". In *Byzantinoslavica* 69/3 suppl. (2011).
- Vita Euthymii Patriarchae Constantinopolitanae*. Ed. P. Karlin-Hayter. Bruxelles, 1970.
- WIEGAND, TH. (ed.). "Vita S. Pauli Junioris". In *Milet: Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899*. Berlin, 1913. Bd. 3. Heft 1: Der Latmos. S. 105–153.